

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ МЕТАМОДЕРНА: КРИЗИС ЛЕГИТИМАЦИИ И КОНТУРЫ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ПОСТИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Колядко Илья Николаевич

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Одним из параметров кризиса культуры выступают стремительно происходящие трансформации ее мировоззренческих универсалий, составляющих основание ценностно-нормативной структуры социальной реальности. Одну из ключевых ролей в такого рода стремительных трансформациях современные исследователи отводят интенсификации процессов цифровизации общества и его подсистем, что оказывается фактором преобразования культуры: ее универсалий и базовых идей-ценностей. При этом в предельном своем выражении речь может идти о формировании социальной реальности как символически конструируемого пространства, в котором идеология хотя имплицитно и структурирует действительность, легитимизируя существующие отношения господства, выступает в роли «неявного знания», через власть языка формируя представления о реальности. Формируя пространство семантической и ценностно-смысловой интерсубъективности, язык как средство репрезентации культурного кода становится одним из механизмов реализации властеотношений, направленных на достижение согласия по поводу ключевых аксиологических ориентаций социума.

Ключевые слова: кризис культуры; постсовременность; метамодерн; «постидеологически» конструируемая социальная реальность.

DIGITALIZATION OF CULTURE IN THE METAMODERN AGE: CRISIS OF LEGITIMATION AND CONTOURS OF AN EMERGING POST-IDEOLOGICAL REALITY

Kolyadko Ilya N.

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Philosophy of Culture, Belarusian State University

Abstract. One of the parameters of the cultural crisis is the rapidly occurring transformations of its worldview universals, which form the basis of the value-normative structure of social reality. Modern researchers assign one of the key roles in this kind of rapid transformation to the intensification of the processes of digitalization of society and its subsystems, which turns out to be a factor in the transformation of culture: its universals and

basic ideas and values. In this extreme expression, we can talk about the formation of social reality as a symbolically constructed space in which ideology, although it implicitly structures reality, legitimizing existing relations of domination, acts as “implicit knowledge”, through the power of language forming ideas about reality. By forming a space of semantic and value-semantic intersubjectivity, language as a means of representing the cultural code becomes one of the mechanisms for implementing power relations aimed at achieving agreement on the key axiological orientations of society.

Keywords: cultural crisis; post-modernity; metamodernity; «post-ideologically» constructed social reality.

Достаточно часто современную нам эпоху определяют как эпоху глобального кризиса, который является всеохватывающей и всеобъемлющим феноменом, своего рода типологической чертой нашего динамично нестабильного времени. При этом одну из ключевых ролей в такого рода стремительных трансформациях современные исследователи отводят интенсификации процессов цифровизации общества и его подсистем, что оказывается фактором преобразования культуры и ее универсалий и базовых идей-ценностей. Выявляя критерии понятия «современного» кризиса и рассуждая о характеристиках данного феномена, известный французский философ Поль Рикёр пишет: «сегодня мы приходим к любопытному выводу о том, что современное общество, явившееся результатом кризиса общества традиционного, в свою очередь, стало местом кризиса, и это объясняет обращение к идее постсовременности. Тогда возникает такой вопрос: не является ли подлинным кризисом колебание нашего общества между традиционным (рецессивным) обществом, современным (господствующим) обществом и обществом постсовременным (пребывающим в проспективном, или эмбриональном, состоянии)?» [1, с. 128–129]. Действительно, среди многих параметров современного кризиса однозначно и недвусмысленно проявляет себя один из них, формирующий представление об отсутствии единой идеологии, единого метанарратива (в истолковании Ж.-Ф. Лиотара), о наступлении постидеологической эпохи, формирующей реалии метамодерна.

При этом постулируемое отсутствие, преодоление единой идеологии не означает делигитимацию властных отношений как таковых, особенно в условиях возрастания роли информационно-коммуникационных технологий в производстве товаров и услуг. Власть, в свою очередь, объективируется не столько за счет применения исключительно силовых методов сохранения порядка и поддержания гомеостаза социальной

системы, сколько путем конституирования общего ценностно-смыслового пространства. В установлении такого рода власти, которая «навязывает значения, заставляя признать их легитимными и одновременно скрывая силовые отношения, лежащие в ее основе» [2, с. 38], одну из ключевых ролей играет идея «ненасильственного принуждения», в современной социально-философской литературе получившая свое оформление в рамках концепции *soft ideology* («мягкой идеологии»). В предельном своем выражении речь может идти о формировании социальной реальности как символически конструируемого пространства, в котором идеология хотя имплицитно и структурирует действительность, легитимизируя существующие отношения господства, выступает в роли «неявного знания», через власть языка формируя представления о реальности. Формируя пространство семантической и ценностно-смысловой intersubjectivity, язык как средство репрезентации культурного кода становится одним из механизмов реализации властных отношений, направленных на достижение согласия по поводу ключевых аксиологических ориентаций социума.

В эпоху метамодерна, характеризующуюся среди прочего доминированием не «великих идеологических нарративов», а распространением «повседневных идеологий», призванных, как отмечает Р. Ван ден Аккер, «дать нам смысл и цель (и снизить сложность мира)» [3], а также преодолеть политическую ангажированность культуры, характерную для традиции модерна, процесс легитимации становится зависим от интерпретирующей социальную реальность субъекта, особенностей его когнитивного и интеллектуального оснащения. Как отмечает в этой связи Р. Ван ден Аккер, «вместо создания постоянного набора параметров, который, с одной стороны, определяет мировоззрение и, с другой стороны, исключает любое обсуждение и отклонение от этих параметров, как это происходило в модернизме, политические идеологии метамодерна собирают и отбирают все выброшенное, как нам казалось, в мусорную корзину истории, с целью что-то сказать» [3]. Заново истолкованные культурные универсалии, фундирующие основание «картины социальной реальности», в метамодерне выступают в качестве взаимодополняющих, равно претендующих на признание их легитимными. В таком случае смена мировоззренческих парадигм в ходе «пассивной революции» предстает как процесс фрагментации «коллективной воли», что чревато опасностью возрастания фундаментализма и экстремизма.

Как отмечает автор «The Metamodernist Manifesto» (2011) Люк Тёрнер, будущее культуры – в «прагматическом романтизме, свободном от идеологического крепежа», характерного для модерна, который трактуется как «век идеологической наивности» [4]. Однако с распространением «повседневных идеологий», репрезентирующих мозаичный характер формирующейся цифровой культуры, возрастет влияние экстремистски настроенных движений, претендующих на выражение в «*sensus communis*» («здравый смысл») «само собой разумеющегося», «очевидного», отражающего реальность «такой, какова она есть на самом деле». Возрастание роли средств массовой информации и коммуникации в легитимации «повседневных идеологий», интенсивное развитие и распространение множества социальных сетей – все это приводит к фрагментации «коллективной воли» и коллективных форм идентичности, непосредственно связанных с системой мировоззренческих представлений и установок, которые фундируют основания культуры. В условиях углубляющегося разрыва «повседневных идеологий», их конфронтации, возрастает дивергенция социокультурных систем, что нередко приводит к неприятию ценностей других культур, эскалации различных форм насилия и трайбализма.

В «постидеологически» конструируемой социальной реальности, как это вытекает из концепции метамодернизма, индивидуальные и коллективные формы идентичности все в большей степени сводятся к ее символическим измерениям. Власть, призванная легитимизировать ценностно обусловленный социальный порядок, в современную эпоху «постидеологии» выстраивается не как принуждение-насилие и стимулирование, а как манипулирование, прибегая к «управлению посредством идеологического воздействия, оперирования оценками и смыслами» [5, с. 98]. И если постмодерн был ориентирован на формирование игрового сознания и игрового отношения к действительности, что в конечном счете редуцирует институционально организованную власть к инструменту манипулирования индивидуальным и общественным сознанием, то в метамодерне, «существующем между “постмодернистской насмешкой” и “модернистским энтузиазмом”» [6, с. 5], вертикаль власти трансформируется в горизонтально организованные институты влияния. Происходящий в эпоху метамодерна переход от вертикальных систем организации социума к горизонтальным, чему во многом способствует интенсивное развитие ИТ-инфраструктуры, свидетельствует о смещении властного дискурса к своим неформальным,

неинституциональным формам, роль которых в формировании ценностно-нормативной структуры социума становится все более определяющей.

В эпоху метамодерна власть реализует себя посредством манипулирования, что находит свое выражение в феномене постидеологической реальности, отражающем совершающийся переход к новому типу общественного устройства – информационному, постиндустриальному. Как отмечает в этой связи Поль Рикёр «нашу эпоху невозможно определить с помощью одной идеологии: соперничающие друг с другом определения современности, и, более того, перепалка между современностью и постсовременностью свидетельствуют, скорее, о двусмысленности настоящего времени, как, может быть, и любой другой эпохи для живущих в ней людей» [1, с. 130]. Кризис легитимации в таком обществе становится одним из важнейших индикаторов социальной дивергенции, сопровождающейся, как правило, эскалацией насилия, как выражения предельной формы конфронтации и углубления социальных противоречий. В то же самое время возникший кризис признания ценностей и норм в качестве регулятора поведения, общения и деятельности индивидов, или кризис легитимации, часто оказывается конструктивным и способствует переосмыслению исторически сложившейся и закреплённой культурной традицией картины мира, намечая новые потенциально возможные линии динамики культуры. Преобразование социокода в эпоху «пассивной революции» (А. Грамши) становится одновременно имманентным процессом переходного периода в развитии социальной системы и одним из условий конструктивного разрешения накопившихся социальных противоречий и преодоления кризиса.

Список литературы

1. Рикёр, П. Политика, экономика, общество. Рукописи и выступления 4 / пер. с фр. И.С. Вдовиной / П. Рикёр. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. – 240 с. (Серия «Книга света»).
2. Сидоренко, И.Н. Философия насилия: от метафоры к концепту / И.Н. Сидоренко. – Минск: БГУ, 2017. – 175 с.
3. Интервью с Робин ван ден Аккером [Электронный ресурс] // Metamodern – Журнал о метамодернизме. – Режим доступа: <http://metamodernizm.ru/robin-van-den-akker/>. – Дата доступа: 24.09.2023).
4. Luke Turner. The Metamodernist Manifesto [Electronic resource] // Metamodernist – Manifesto. – Access mode: <http://www.metamodernism.org/>. – Access date: 24.09.2023.

5. Голубев, С.В. Идеология и государственность: теория и практика / С.В. Голубев. – М.: Спутник+, 2018. – 215 с.

6. Павлов, А.В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм / А.В. Павлов // Логос. – 2018. – Т. 28, № 6. – С. 1–19.